

парад победы

75 книг о войне
Выйдут в новых книжных сериях
издательства «Вече»

К 75-ЛЕТИЮ Великой Победы издательство «Вече» издает 75 историко-документальных книг и 75 романов и повестей о подвиге советского народа. Воспоминания маршалов, биографии полководцев, документальные книги об основных сражениях и документы войны выйдут в новых сериях «Проза Великой Победы», «1941—1945. Великая и неизвестная война», «Память Победы». Площадка Нон-фикшн, 8 июня, 15.45.

До свидания, мальчики

В издательстве «Российская газета» вышла антология «Ушли на рассвете. Судьбы и стихи: 25 молодых поэтов, погибших во время Великой Отечественной»

КНИГА

Алексей Симонов,
писатель, кинорежиссер

Среди историй, легенд и мифов Великой Отечественной войны есть один часто повторяющийся сюжет — потерянная (простреленная, канувшая при бомбежке) сумка почтальона. Эту сумку находят, и кто-то, совестливый и наделенный недюжинным терпением, берется отыскать адресатов этих писем и их авторов, где-то бывших, когда-то живших, что-то сделавших, что-то совершивших.

Не знаю, как кому, а мне пришел на ум именно этот сюжет, когда я получил рукопись книги, которую вы держите сейчас в руках, полную войны, смертей и стихов, укрытых от забвенья ладонью Дмитрия Шеварова, книги этой вдохновителя и составителя. Она — его отчет перед вечностью и одновременно результат его ежедневной работы и заботы.

Книга проросла из его многолетней колонки в «Российской газете». Книга нервная, неровная и пристрастная, но это и есть доказательство живой памяти о войне, наглядное свидетельство, что память эта не вся ушла в парады, запоздалые наградные листы и в академические монографии, не стала данью бюрократическому молочу, пожирающему всякую живую инициативу. Эта книга — отголосок народной трагедии, потерянное тепло опустевшего дома, не досчитавшегося ушедших из него сыновей. Словом, как сказано у ровесника погибших стихотворцев:

*Они шумели буйным лесом.
В них были вера и доверье.
А их повыбило железом.
И леса нет. Одни деревья.
Д. Самойлов*

Судя по тем немногим, кто в этом поколении вышел живым из четырехлетней мясорубки, — это было очень талантливое поколение. Пусть не все стихи в этой книге служат тому убедительным доказательством, но ведь они, в большинстве, писать только начали; присущие им способности и таланты не успел ограничить страшный опыт войны. Как сказано у другого их ровесника:

*Жизни, смерти, счастья, боли
Я не понял бы вполне,
Если б не учеба в поле —
Не уроки на войне.
Б. Слуцкий*

На этих уроках большинство из них и сложили свои головы, и остались в неподготовленной к их гибели памяти близких отдельными строчками из стихов и писем, юношескими фотографиями и коротким прочерком между крайними датами биографии — датой рождения, как правило, известной, и датой смерти, у большинства известной весьма приблизительно, потому что особая жестокость этой войны в ее подчеркнутым безразличии к тем, кто уже выжил из живых и не сможет воевать дальше.

Эта война еще и сегодня, почти семьдесят лет спустя, продолжает хоронить своих мертвых. Большею частью в братских могилах. Без имен. «Мрамор лейтенантов — фанерный монумент — венчанье тех талантов. Развязка тех легенд».

Я все время цитирую их выживших ровесников, потому что они — Слуцкий, Самойлов, Левитанский, Межиров и другие, нем-

Мало кто из героев книги успел до войны выпустить сборник стихов или опубликоваться в журнале.

ногие, сохранили в стихах самую пронзительную о них память, проникнутую чувством вины живых перед недожившими. Они на своей шкуре испытали то, о чем пишут:

*Сгорели в танках мои товарищи
До пепла, до золы, дотла.
Трава, полмира покрывающая,
Из них, конечно, произроста.
Мои товарищи на минах
Подорвались, взлетели ввысь...*

И я им верю много больше, чем себе, всё это знающему из их стихов и прозы. Это у них я прочел, что экипаж сгоревшего танка хоронили, собрав весь прах в один танковый шлем.

*Да, сделали все, что могли мы,
Кто мог, сколько мог и как мог.
И были мы солнцем палимы,
И шли мы по сотням дорог.
Да, каждый был ранен, контужен,
А каждый четвертый — убит.
И лично Отчеству нужен,
И лично не будет забыт...
И то, и другое — Слуцкий*

Вот этот завет «лично не будет забыт» и выполняет книга в ваших руках, она полнее, более въедлива и содержательна, чем другие ее предшественницы, осуществлявшие проверку в роте стихотворцев, убитых на войне. Ведь никто из них, кроме двух, умерших от старых ран, не дождался Победы, но нашей благодарной памяти — вместилища их бессмертия — каждый из них достоин. И пусть им «общим памятником будет» так и названное «Памятником» стихотворение Бориса Слуцкого и эпитафия на нем:

*Расту из хребта, как вершина хребта,
И выше вершин над земле вырастаю.
И ниже меня остается крутая,
Не взятая мною в бою, высота.*

СТРАНИЦЫ НОВОЙ КНИГИ

Ариан Тихачек, 20 лет

Лейтенант, командир роты стрелкового полка, помощник начальника штаба. Погиб 9 октября 1943 года на подступах к Днепру под деревней Бородаевка.

Его имени нет в списках погибших на войне поэтов. Его стихов нет ни в одной антологии фронтовой поэзии, хотя они издаются и пополняются вот уже более полувека — с тех пор как в 1963 году вышел сборник «Имена на проверке».

Ночь в санбате

*Глухая ночь. Горит в углу копилка.
У печки дремлет девушка-сестра.
Соломы на полу набросана подстилка.
Я, лежа на спине, бесцельно жду утра.*

*Трещат дрова, железная печурка
Сквозь дверцу на стену бросает слабый свет.
Я закурил. Дым вьется от окурка.
А рана все болит. Всю ночь покоя нет.*

*Начнешь стонать — не легче: боль все та же.
Начнешь мечтать — боль гонит и мечты,
Как будто бы всю ночь стоишь на страже,
Чтоб мучить и томить под кровом
темноты.*

Ноябрь 1942

Романс

*Вечер землю укрыл тишиною,
Замигали далеко огни.
Только я не найду все покоя,
Мы тоскуем с гитарой одни.*

*Если брови сойдутся угрюмо,
Если ляжет на сердце печаль,
Пусть твоя одинокая дума
Прилетит ко мне в синюю даль.*

*Я скажу тебе нежное слово,
Напою себя взглядом твоим,
И короткое счастье былого
Мы с тобою опять повторим.*

*Но один я. Слюбимой в разлуке.
Помогай мне, гитара, грустить.
Тихо плавают в сумраке звуки,
Только в них мне тоску не излить.*

*Она всюду: в словах и во взоре,
Мало места в груди ей давно.
Улети, погуляй на просторе,
Для тебя распахнул я окно.
12 АПРЕЛЯ 1943*

Леонид Крапивников, 19 лет

Боец парашютно-десантной роты авиации Черноморского флота. Погиб 19 или 20 сентября 1941 года во время десантной операции под Одессой.

*Журавли над озером хлопочут,
Млечный Путь уходит в синь до дна.
Очень много ярких звезд у ночи,
Только девушка одна.*

*Птицы улетают на рассвете —
Наша осень птицам холодна.*

*Очень много дальних стран на свете,
Только девушка одна.*

*Но опять весна лучами брызнет,
И земля проснется, голодна.
Очень много есть дорог у жизни,
Только девушка одна.*

*Каждый день с упрямой жизнью
споришь,*

*А она по-прежнему бледна,
Много есть у человека горя,
Только девушка одна.*

Я вернусь

*Покидал я город на рассвете.
Я да ветер шагали в тишине.
Только дети, маленькие дети,
Испугавшись, плакали во сне.*

*Матери от крика просыпались.
Наши матери чисты, как грусть.
Только тополя со мной прощались.
Это им ответил я — вернусь!*

*Я вернусь таким же утром синим.
Песню ту, что прежде, запою.
Я глаза оставляю молодыми,
Только волосы посеребрю.*

*А пока прощайте, дорогие,
Ветер свеж — дорога далека.
По небу уходят молодые,
Быстрые, как птицы, облака.*